
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-116

О.В. Доладова*

СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА: УТОЧНЕНИЕ ПОНЯТИЙ

В данной статье выявляются противоречия, существующие в современных толкованиях понятий «система языка» и «структура языка», проводится анализ этих противоречий, прослеживается история возникновения терминов языковая система и языковая структура, описывается развитие их значений; предлагается непротиворечивая трактовка системности языка.

Ключевые слова: язык, система, структура, отношение, связь.

В настоящее время никто из лингвистов не оспаривает утверждения о том, что естественный язык как целое и его отдельные участки имеют системный характер. С указания на это свойство языка начинается большое количество лингвистических работ. Но если у одних авторов этот тезис и в самом деле лежит в основе разрабатываемой аргументации, то у некоторых других исследователей провозглашение системности языка порой вступает в противоречие с положениями, выдвигаемыми в дальнейшем.

Отметим также, что в ряде трудов понятия «система языка» и «структура языка» разграничиваются нечетко, что приводит к недифференцированному употреблению соответствующих терминов. Ср.: «Язык представляет собой **систему**, все части которой взаимосвязаны» [17, с. 3]. «Язык есть **структура**, с помощью которой выражается мыслительное и предметное содержание» (Ф. Кайнц; цит. по: [9, с. 6]). Если принять оба этих определения, то различие между понятиями «система» и «структура» исчезает.

Некоторые авторы «меняют местами» эти понятия: «Система — порядок, обусловленный... закономерным расположением частей в определенной связи» [23]. Здесь система определена так же, как обычно трактуют структуру. «Структура представляет собою совокупность закономерно расположенных и функционирующих частей» (словарь [19]). Здесь структура характеризуется так же, как обычно определяют систему.

Кроме того, этим понятиям иногда даются слишком широкие дефиниции, не позволяющие отграничить их от смежных понятий. В частности, языковая система понимается как «закономерно

организованная совокупность ... языковых элементов» (словарь [20]) или как «упорядоченная совокупность смысловых... и смыслоразличительных единиц ... и правил их соединения» [7, с. 186]. Однако закономерно организованной / упорядоченной совокупностью можно назвать также комплекс, комплект, агрегат, набор, гарнитур, ансамбль и другие подобные объекты, которые по степени упорядоченности могут «недоотягивать» до статуса системы.

Что касается структуры, она трактуется многими исследователями как «строение, расположение, упорядоченность, совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность» (словарь [21]). Но это слишком широкая и не вполне определенная дефиниция. Помимо термина *структура*, под нее подпадают и другие названия, такие как *внутреннее устройство / строение, внутренняя организация, строй, уклад, регламентированность, гармония*, устар. *лад, чин, склад* (в значении «порядок») и др. Структура в строгом значении термина — это далеко не всякая упорядоченность. Чтобы дать точное определение структуры, необходимо принять во внимание качественные, равно как и количественные параметры именно этого вида упорядоченности.

Расхождения в толкованиях системы и структуры, имеющиеся неточности и неопределенность в трактовке этих понятий вызывают необходимость разработать их строгие и непротиворечивые, соотносимые друг с другом определения, выявить их категориальные признаки и характер их взаимной корреляции. В этих целях следует проследить историческое становление и развитие понятий «система» и «структура».

---

* © Доладова О.В., 2017

Доладова Ольга Владимировна (doladov@gmail.com), кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.

Любые изыскания, направленные на установление закономерностей устройства и функционирования изучаемого объекта, по существу, являются системно-структурным анализом. На протяжении всей истории лингвистики ученые выявляли регулярности в устройстве языка, тем самым очерчивая контуры его системы, несмотря на то что в отдаленные эпохи в языковедческих трудах еще не было ни терминов *структура* и *система*, ни понимания языка как строго организованного целого. Это понимание мало-помалу формировалось в представлениях лингвистов, пока наконец В. фон Гумбольдт не выразил его ясно и недвусмысленно.

Гумбольдт указал, что особенности языка как целого обнаруживаются путем изучения его внутренней организации: «В языке нет ничего единичного, каждый отдельный элемент проявляет себя лишь как часть целого» [8, с. 308]. В тесной взаимосвязи значений и смыслов, в своей совокупности образующих содержательную грань языка, проявляется «дух народа».

Гумбольдт уподобил язык «широкой ткани, в которой каждая нить более или менее заметно переплетена со всеми другими. Пользуясь языком в каком бы то ни было отношении, человек всегда касается только одной части этой великой ткани, но всегда поступает при этом так, как будто бы в ту же минуту он имел перед глазами все, с чем часть эта состоит в неизбежной связи и во внутренней гармонии» [8, с. 310]. Гумбольдт сравнивал язык не только с тканью, но и с живым организмом. Эта метафора применялась им примерно в том же значении, в котором позже начал использоваться термин *система*, еще не имевший широкого хождения в XVIII–XIX веках. В. фон Гумбольдт был предтечей возникновения системно-структурного анализа языка.

В аналогичном смысле название *организм* применял к языку А. Шлейхер: «Все языки, которые мы прослеживаем на протяжении длительного времени, дают основание для заключения, что они находятся в... непрерывном изменении. Языки, эти образованные из звуковой материи природные организмы... проявляют свои свойства природного организма не только в том, что все они классифицируются на роды, виды, подвиды и т. д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам» [16, с. 75].

Шлейхера критиковали за натуралистический и биологизаторский подход к языку – ведь он утверждал, что естественный язык представляет собой не социальный и не культурный, а природный феномен. Упреки в его адрес высказывали крупные ученые. «Причислять язык к организмам, языковедение же к естественным наукам есть пустая фраза, без фактической подкладки», – считал И.А. Бодуэн де Куртенэ [5, с. 349]. «Шлейхер насиловал реальность, рассматривая язык как нечто органическое», – утверждал Ф. де Соссюр [13, с. 250]. Эти нарекания продолжались в течение всего XX века.

Но, оценивая взгляды Шлейхера с современных позиций, мы убеждаемся, что эта критика была не во всем справедливой. В определение *природный* применительно к языку он вкладывал приблизительно тот же смысл, который в наше время в термин *естественный язык*. В свое время Н.В. Крушевский пояснил это словоупотребление: «В языке действуют законы, совершенно тождественные с законами, действующими в других сферах существующего... законы природы, не допускающие никаких исключений и отклонений» (цит. по: [2, с. 408]).

В толковом словаре прилагательные *естественный* и *природный* имеют одинаковую дефиницию «относящийся к природе» [22], включая природу (натуру) человека. *Природный / естественный* в широком понимании означает «возникший спонтанно в процессе эволюции». Именно так, по данным науки, появились естественные языки.

Проанализировав приведенное высказывание А. Шлейхера, мы пришли к выводу, что, рассуждая о языке как о натуральном (естественном) явлении, он подразумевал вовсе не то, что язык является в буквальном смысле живым существом, состоящим из белков, жиров и углеводов, а только то, что языки, как и организмы, эволюционируют по законам развития, имеют сложное иерархическое строение и характеризуются наличием родства друг с другом.

По нашему мнению, это не «биологизаторство», а вполне правомерная аналогия между языком и биологическими объектами. Она была популярна в XIX веке вследствие того, что в те времена биология сделала мощный рывок, стала одной из самых приоритетных наук и «на протяжении долгого времени конкурировала с лингвистикой в роли поставщика моделей описания» [6, с. 97]. В частности, с легкой руки И.В. Гете термин *морфология* (от греч. *morphe* – «форма», *logos* – «учение») перешел в гуманитарные науки из биологии, в которой он обозначает учение о формах живых организмов. На этой аналогии основаны и названия *живые / мертвые языки, молодые / старые языки, родство языков, языки-предки / потомки, дочерние языки, языковые семьи, языковые гибриды* и др., и никто не считает это «биологизацией» языка.

Гумбольдт употреблял название *языковой организм* как метафору, тогда как Шлейхер применил широко практикуемый в науке прием семантического расширения термина *организм*. В объеме понятия «организм» Шлейхер включал не только живые существа, но и любые объекты, для которых характерна взаимозависимость всех компонентов, создающая идентичность объекта и главенствующая над свойствами компонентов. Исходя из содержания работ А. Шлейхера, можно, на наш взгляд, заключить, что именно это значение он придавал термину *языковой организм*, который позднее породил ряд аналогов, более соответствовавших духу исследований следующей эпохи.

Так, в 1883 г. Н.В. Крушевский (соврем. изд. [10]) утверждал, что язык есть *одно гармоническое целое*. В 1901 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ (соврем. изд. [5]) употребил название *обобщающая конструкция языка*. Это было уже близко к названиям *языковой*

механизм (В. Вундт, Г. Шухардт, К. Фосслер) и, наконец, *языковая система* (Ф. де Соссюр, А. Мартинне, Э. Бенвенист).

В XX веке с его бурным развитием техники биологическим аналогиям в лингвистике пришли на смену технические. Термин *языковой организм* был постепенно вытеснен термином *языковой механизм*.

При этом, конечно, не подразумевалось, что язык – это механизм в буквальном смысле, т. е. машина, состоящая из рычагов и шестеренок. Структуралисты и генеративисты абстрагировались от субстанции (материала) и рассматривали чистую форму (строение объекта). Этот абстрактный взгляд на вещи позволил проводить аналогии между объектами любой природы – биологическими, техническими, лингвистическими и др. Поэтому во второй половине XX века (в 1965 г.) уже не вызвало удивления то, что Н. Хомский (соврем. изд. [14]) назвал грамматику **автоматом**, генерирующим все правильные и только правильные предложения на том или ином языке.

Что касается слова *система* (< греч. *systema* – «что-то составное» < индо-евр. **sta-* – «стоять»), оно было в ходу еще у античных философов, но тогда оно имело расплывчатое значение «союз, множество, объединение». И только в XIX столетии С. Карно использовал это слово в строгом значении, близком к нынешнему, и терминологизировал его (см. об этом: [15, с. 27]).

Термин *система* приобрел широкое хождение в лингвистических трудах начиная с 1916 г., после первой публикации работы Ф. де Соссюра “*Cours de linguistique générale*”. В ней прямо сказано: «Язык есть система знаков» [13, с. 26]. Описывая отношения и связи в естественном языке и выявляя закономерности в этой сфере, де Соссюр еще не употреблял термин *структура*, позднее легший в основу названия *структурализм*.

Термин *структура* (< лат. *structura* – «строение» < *struere* – «строить») вошел в широкий научный обиход по инициативе представителей Пражской школы, которые следовали неопозитивистской тенденции XX столетия – концентрации внимания на строении изучаемых объектов в синхронии. Но и пражцы еще не проводили отчетливой границы между понятиями «система» и «структура».

Первыми, кто отвлекся от элементов и сконцентрировал внимание на отношениях и связях между ними, были основатели глоссематики. Языковой структурой они называли «чистую схему» языка, абстрагировавшись от субстанции как в плане содержания, так и в плане выражения. Копенгагенские структуралисты, по существу, создали и обновили нынешнее толкование понятий “структура” и “система”.

По современным представлениям, возникшим в русле теории систем [3; 4; 12], система – это не всякая упорядоченная совокупность объектов, а в высшей степени упорядоченная совокупность, которая вследствие перехода количества в качество превратилась из множества объектов в новый целостный объект.

Любой элемент системы прямо или косвенно связан с любым другим элементом и «является самим собой лишь в составе данной целостности» (А. Лаланд; цит. по: [1, с. 64]). Элементы системы объединены друг с другом зависимостями (связями и отношениями). Они в своей совокупности образуют структуру объекта. Лишь тот объект, чье строение представляет собой структуру, является системой. Те совокупности элементов, которые не отвечают критерию А. Лаланда, не имеют собственной структуры.

В системе структура главенствует над элементами, определяет их место в системе и их свойства. «Большое заблуждение рассматривать слово просто как соединение какого-то звучания с каким-то понятием, – писал де Соссюр. – Определять слово подобным образом – значит изолировать его от системы, часть которой оно составляет; это означало бы, что, отправляясь от отдельных слов, можно построить систему как их сумму, тогда как на самом деле, наоборот, следует исходить из сложного единства, чтобы путем анализа дойти до составляющих его элементов» [13, с. 153]. Это утверждение легло в основу понимания терминов *система языка* и *структура языка*.

Лао Цзы сказал: «Когда я разъял мир на части, я перестал понимать действие его законов» (цит. по: [11, с. 18]). В наше время этот тезис можно переформулировать в новых терминах: законы мироздания можно понять лишь в том случае, если рассматривать мир не как сумму отдельных объектов, а как сложную самоорганизующуюся систему, обладающую такими свойствами, которые не присущи ее отдельным частям.

Помимо суммы элементов, система располагает чем-то сверх нее, а именно признаками, которые называются неаддитивными свойствами и противопоставляются аддитивным (лат. *additio* – «прибавление»). «Под аддитивностью понимается свойство величин, состоящее в том, что значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин» (словарь [24]). Неаддитивность подразумевает, что целое больше суммы частей. «Наличие неаддитивных свойств (их также называют эмерджентными) обусловлено структурными связями между частями... целого. Целое, обладающее эмерджентными свойствами, не может быть познано... на основе одних только знаний о его частях» (словарь [25]).

В порядке иллюстрации упомянем такое свойство револьвера, как способность стрелять. Ею не обладают ни отдельные детали револьвера, ни их сумма. Эта способность возникает, когда детали собираются в новую единицу – систему, обладающую своей структурой и именуемую револьвером (отсюда и названия – револьвер **системы** кольт / наган и др.).

В языке примером неаддитивного свойства системы может служить приращенный смысл, присущий многим его единицам. Он дополнителен к сумме значений составных частей языковой единицы. Например, английский юридический термин *deed of trust* имеет буквальное значение (сумму значений лексем) «акт доверия», но в этом значении

он не употребляется в юридическом дискурсе. Это значение выполняет функцию внутренней формы термина, а его реальное значение – «передача распоряжения собственностью от доверителя доверенному лицу (попечителю)» (словарь [18]). Как видим, к сумме значений лексических компонентов добавлен большой объем содержания. Это и есть приращенный (эмерджентный) смысл данного термина.

В рамках системы структура столь явно господствует над элементами, что термин *система* в ряде случаев метонимически подменяется термином *структура*. В частности, ныне широко используются названия *коммерческие / властные / теневые / силовые структуры* и т. д., хотя имеются в виду системы.

Структура системы складывается из зависимостей между элементами. Эти зависимости делятся на отношения и связи.

Не все ученые признают разницу между отношениями и связями. Целый ряд ученых употребляет соответствующие термины как взаимозаменяемые синонимы. Ср.: «Отношение – взаимная связь предметов, действий, явлений» (словарь [23]). «Связь – взаимные отношения между кем-л., чем-л.» (словарь [19]). Судя по этим дефинициям, связь определяется как отношение, а отношение – как связь. Но если бы понятия «отношение» и «связь» были тождественны, то не было бы оснований для использования двух терминов – достаточно было бы какого-либо одного из них.

Многие другие исследователи признают разницу между отношениями и связями, но понимают эту разницу неодинаково. Мы исходим из следующего толкования: отношение – нелинейная зависимость между элементами, в основе которой лежит дизъюнкция; соответствующее множество есть упорядоченный набор элементов; связь – линейная зависимость между элементами, в основе которой – конъюнкция; соответствующее множество есть последовательность (цепь) элементов. В лингвистике комплекс отношений между языковыми единицами называется парадигматикой, а комплекс связей – синтагматикой. Множество, которое упорядочено регулярными связями между элементами, – это синтагма, а множество, упорядоченное регулярными отношениями между элементами, – это парадигма.

Системный характер множества не всегда очевиден. Чтобы именоваться системой, оно должно отвечать вышеописанным требованиям. Множества можно расположить на шкале по степени упорядоченности. Один ее полюс – хаотическое множество, а другой – система. Но и системность – градуальная категория; системы варьируют по жесткости своей внутренней организации.

Так нам представляется уточненная и лишённая противоречий трактовка понятий «система» и «структура».

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
2. Березин Ф.М. Хрестоматия по истории русского языкознания. М.: Высшая школа, 1973. 504 с.
3. Берталанфи Л. Общая теория систем [Электронный ресурс]. 2013. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/sinergetika/bertalanfi_1_obshhaja_teorija_sistem_1968_eng/55-1-0-4655.
4. Богданов А.А. Тектология. М.: Экономика, 1989. 304 с.
5. Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Том II. М.: АН СССР, 1963. С. 67–95.
6. Васильева Г.М. Гете о морфологии языка // Гуманитарный вектор. № 2 (22). 2010. С. 96–98
7. Ветров А.А. Семиотика и ее основные проблемы. М.: Наука, 1988. 263 с.
8. Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: Наука, 1984. С. 307–323.
9. Звегинцев В.А. Очерк по общему языкознанию. М.: Изд-во Московского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 1962. 384 с.
10. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. М.: ЕЕ Медиа, 2011. 173 с.
11. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. СПб.: Академия, 2005. 304 с.
12. О'Коннор Дж., Макдермотт И. Искусство системного мышления. М.: Альпина Паблишер, 2006. 256 с.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Эдиториал URSS, 2007. 257 с.
14. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Благовещенск: изд-во «БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ», 1999. 257 с.
15. Храмов Ю.А. Карно Никола Леонард Сади // Физики: Биографический справочник. М.: Наука, 1983. 400 с.
16. Шлейхер А. Теория Дарвина в применении к науке о языке (извлечения) // История языкознания. XIX – 1-я половина XX века. Хрестоматия / ред. З.И. Резанов. Часть 1. Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 2010. С. 73–78.
17. Юлдашев Н.Ю. Понятие «структура» в лингвистике // Н.Ю. Юлдашев. Системная лингвистика. Нукус: Каракалпакский гос. ун-т, 2009. С. 3–7.
18. Левитан К.М., Одинцова О.А. Англо-русский и русско-английский юридический словарь. М.: Проспект, 2016. 512 с.
19. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
20. Караулов Ю.Н. (ред.). Русский язык. Энциклопедия. М.: Дрофа, 1997. 721 с.
21. Сергеева Т.Б. Словарь-справочник по филологии. Ставрополь: изд-во СтГМА, 2009. 388 с.
22. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Темп, 2004. 874 с.
23. Ушаков Д.Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. Том 4. М.: Русские словари, 1995. 754 с.
24. Рассел Дж. Физическая антропология. Иллюстрированный толковый словарь [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://antropology.academic.ru/534/>
25. Губский Е.Ф. (ред.). Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2009. 569 с.

References

1. Benvenist E. *Obshchaia lingvistika* [General linguistics]. M.: Progress, 1974, 448 p. [in Russian].
2. Berezin F.M. *Khrestomatiia po istorii russkogo iazykoznaniiia* [Reader on the history of Russian linguistics]. M.: Vysshiaia shkola, 1973, 504 p. [in Russian].
3. Bertalanfi L. *Obshchaia teoriia sistem* [General theory of systems], 2013. Retrieved from: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/sinergetika/bertalanfi_1_obshhaja_teorija_sistem_1968_eng/55-1-0-4655 [in Russian].
4. Bogdanov A.A. *Tektologiiia* [Tectology]. M.: Ekonomika, 1989, 304 p. [in Russian].
5. Baudouin de Courtenay I.A. *Iazyk i iazyki* [Language and languages]. In: Baudouin de Courtenay I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Tom II* [Selected works on general linguistics. Vol II]. M.: AN SSSR, 1963, pp. 67–95 [in Russian].
6. Vasilieva G.M. *Gete o morfologii iazyka* [Goethe on the morphology of language]. *Gumanitarnyi vektor. Nauchnyi zhurnal Zabaikal'skogo gos. un-ta* [Humanitarian Vector. Scientific journal of Transbaikalian State University], 2010, no. 2(22), pp. 96–98 [in Russian].
7. Vetrov A.A. *Semiotika i ee osnovnye problemy* [Semiotics and its basic problems]. M.: Nauka, 1988, 263 p. [in Russian].
8. Gumboldt W. von. *O sravnitel'nom izuchenii iazykov primenitel'no k razlichnym epokham ikh razvitiia* [On comparative study of languages in respect to different stages of their development]. In: W. von Gumboldt *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu* [Selected works on linguistics]. M.: Nauka, 1984, pp. 307–323 [in Russian].
9. Zvegintsev V.A. *Ocherk po obshchemu iazykoznaniiu* [Essay on the general linguistics]. M.: izd-vo Moskovskogo gos. un-ta im. M.V. Lomonosova, 1962, 384 p. [in Russian].
10. Krushevsky N.V. *Ocherk nauki o iazyke* [Essay on the science of language]. M.: EE Media, 2011, 173 p. [in Russian].
11. Maslov Yu.S. *Vvedenie v iazykoznanie* [Introduction to the linguistics]. SPb.: Akademia, 2005, 304 p. [in Russian].
12. O'Connor J., McDermott I. *Iskusstvo sistemnogo myshleniia* [The art of systems thinking]. M.: Al'pina Publisher, 2006, 256 p. [in Russian].
13. Saussure F. de *Kurs obshchei lingvistiki* [Course of general linguistics. В оригинале: «Cours de linguistique générale»]. M.: Editorial URSS, 2007, 257 p. [in Russian].
14. Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Blagoveshchensk: izd-vo «BGK im. I.A. Boduena de Kurtene», 1999, 257 p. [in Russian].
15. Khramov Yu.A. *Kamo Nikola Leonard Sadi* [Nicolas Liouard Sadi Carnot]. In: *Fiziki: Biograficheskii spravochnik* [Physicists: Who is Who]. M.: Nauka, 1983, 400 p. [in Russian].
16. Shleikher A. *Teoriia Darvina v primenenii k nauke o iazyke (izvlecheniia)* [The Darwinian theory as applied to the science of language (abstracts)]. In: Z.I. Rezanov (red.). *Istoriia iazykoznaniiia. XIX – 1-ia polovina XX veka. Khrestomatiia. Chast' I* [Z.I. Rezanov (Ed.) History of linguistics. XIX–1st half of the XX century. Reader. Part I]. Tomsk: izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2010, pp. 73–78 [in Russian].
17. Yuldashev N.Yu. *Poniatie "struktura" v lingvistike* [Notion «structure» in linguistics]. In: Yuldashev N.Yu. *Sistemnaia lingvistika* [System linguistics]. Nukus: Karakalpakskii gos. un-t, 2009, pp. 3–7 [in Russian].

Dictionaries

18. Levitan K.M., Odintsova O.A. *Anglo-russkii i russko-angliiskii iuridicheskii slovar'* [English–Russian and Russian–English law dictionary]. M.: Prospekt, 2016, 512 p. [in Russian].
19. Efremova T.F. *Novyi slovar' russkogo iazyka: tolkovno-slovoobrazovatel'nyi* [New dictionary of Russian language: explanatory and word-formative]. M.: Russkii iazyk, 2000, 1084 p. [in Russian].
20. Karaulov Yu.N. (Ed.) *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. M.: Drofa, 1997, 721 p. [in Russian].
21. Sergeeva T.B. *Slovar'-spravochnik po filosofii* [Glossary on philosophy]. Stavropol: izd-vo StGMA, 2009, 388 p. [in Russian].
22. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory dictionary of the Russian Federation]. M.: Temp, 2004, 874 p. [in Russian].
23. Ushakov D.N. (Ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka. Tom 4* [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol 4]. M.: Russkie slovari, 1995, 754 p. [in Russian].
24. Russell J. *Fizicheskaia antropologiiia. Illustrirovannyi tolkovyi slovar'* [Elektronnyi resurs] [Physical anthropology. Illustrated explanatory dictionary], 2015. Retrieved from: <http://antropology.academic.ru/534/> [in Russian].
25. Gubsky E.F. (Ed.) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. M.: INFRA–M, 2009, 569 p. [in Russian].

O.V. Doladova *

LANGUAGE SYSTEMATICITY: CONCEPTS SPECIFICATION

The author reveals and analyses contradictions existing in modern conceptual definitions of the concepts of language system and language structure, analyses the contradictions, tracing the history of the terms *language system* and *language structure*, describing their semantic evolution of their meanings and offering her own non-contradictory interpretation of language systematicity.

Key words: language, system, structure, relation, link.

Статья поступила в редакцию 21/II/2017.
The article submitted 21/II/2017.